

РЕЦЕНЗИИ

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-194-199

Дьяченко Галина Викторовна

кандидат филологических наук

кандидат богословия

доцент кафедры теории и практики перевода

Луганской государственной академии культуры и искусств

Вдовиченко А.В. Казус “языка” Септуагинты и Нового Завета: Лингвистический метод “за” и “против” авторов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 288 с.

Рецензируемая монография А. В. Вдовиченко «Казус “языка” Септуагинты и Нового Завета: лингвистический метод “за” и “против” авторов» затрагивает фундаментальные проблемы современной лингвистики в области теории и методологии, представленные на материале библейских текстов, имеет важное теоретическое и практическое значение как для библеистики, так и для языкознания. Соположение этих двух научных областей в рамках одного исследования оказалось исключительно плодотворным для них обеих.

Ставший в лингвистике традиционным подход к изучению христианской Библии способен обнаружить лишь «ненормализованность», «малограмотность», «ущербность», «просторечность» ее языка, и соответствующие характеристики библейских писателей/переводчиков. Автор монографии принимает это за отправную точку своего исследования и рассматривает сложившуюся ситуацию как странный методологический «казус». Теория, с его точки зрения, не просто не справляется с задачей дать непротиворечивое описание деятельности авторов и статуса их текстов, но прямо искажает историко-культурную реальность. В результате рассмотрения данного «казуса» А. В. Вдовиченко приходит к выводу о необходимости применить более адекватный инструментарий (обновленную методологию он называет дискурсивной, или коммуникативной моделью описания) и радикально переосмыслить лингвистический статус библейских текстов, а также деятельность их авторов.

Монография состоит из четырех больших глав. В первой и второй главах рассматривается противоречивый статус грекоязычных библейских текстов, придаваемый им в рамках структурно-грамматической парадигмы. В третьей главе – наиболее новаторской и важной для общей теории лингвистики – содержится масштабная теоретико-методологическая программа дискурсивного (коммуникативного) описания вербальных данных. Наконец, в самой объемной четвертой главе показывается эффективность применения разработанной дискурсивной лингвистической парадигмы к текстам Септуагинты (LXX) и Нового Завета (НЗ).

В двух первых главах с большой степенью подробности представлена картина «концептуального хаоса» (с. 51), царящего в современных лингвистических исследованиях грекоязычной Библии. Свободно оперируя специальными научными исследованиями как почтенной давности, так и новейшего времени,

автор монографии подвергает их глубокому остроумному анализу, выявляя внутренние противоречия выдвигаемых в них концепций. Автор систематизирует разнообразные подходы к изучению языка Септуагинты и Нового Завета, воспользовавшись условным противостоянием *аттицистов*, или эллино-ориентированной исследовательской парадигмы (А. Deissmann, А. Thumb, F. Blass, А. Debrunner, J. H. Moulton, Н. В. Swete и др.), и *гебраистов*, или семито-ориентированной парадигмы (J. Vergote, J. Wellhausen, G. Dalman, С. С. Torrey, С. F. Burney, J. А. Montgomery, R. В. Y. Scott, M. Black и др.), усматривая к тому же синтез обеих указанных парадигм в современной теории *билингвизма* (M. Silva, G. H. R Horsley, H. Baetens Beardsmore и др.). В рамках эллиноцентричной теории два бесспорных факта относительно языка Библии – греческий текст и семитское влияние на него – осмысливаются как «испорченная семитизмами греческая норма» (с. 57). В рамках семито-ориентированной теории ни о какой греческой «норме» в принципе не идет речь, но посредством констатации «чуждых» библейскому тексту элементов утверждается «факт пушей испорченности» его языка (с. 61). В свою очередь, с позиций теории билингвизма семитические элементы объявляются результатом неконтролируемой и неосознаваемой библейскими авторами межъязыковой интерференции, в результате чего их язык оказывается «полностью греческим, но не вполне греческим», или «языком Геродота, испорченным семитским влиянием» (с. 115-116). Таким образом, внешне различающиеся позиции аттицистов, гебраистов и билингвистов совпадают в своем итоговом выводе – признании «ненормализованности» языка Библии.

Данный факт А.В.Вдовиченко объясняет принадлежностью всех трех подходов к одной лингвистической методологии, а именно структурно-грамматической (антично-соссорианской), которая рассматривает слово как отдельный от говорящего/пишущего автономный «предмет», наделенный неизменным «значением», непосредственно выражающий сущее и подлежащий системному и логико-количественному описанию. В рамках структурно-грамматического подхода библейский язык заведомо не может считаться «нормализованным». Однако о его «нормализованности» свидетельствует беспрецедентное историко-культурно-религиозное значение Книги книг в аутентичной коммуникативной среде, где Библия создавалась, читалась и изучалась. Полагая, что в этом направлении и следует искать критерий «нормы», автор монографии обращается к оформляющейся в XX в. дискурсивной (коммуникативной, функциональной, когнитивной) парадигме лингвистических исследований, в рамках которой вербальные данные рассматриваются не как элементы всеобщей языковой системы, а как неавтономные единицы коммуникативного действия самого говорящего/пишущего. Человекоориентированный дискурсивный подход позволяет усмотреть «нормализацию» языка Библии (как и любого «языка») в «сознании участников коммуникации» (с. 94). Для «авторов текстов и для их аудитории языковые модели, посредством которых создавались эти сочинения, были общепринятыми, общепонятными и нормализованными» (с. 65). На этом этапе автор монографии констатирует отсутствие полной и целостной модели описания вербальных фактов. Библейский материал ведет, таким образом, к необходимости полноценного оформления дискурсивного лингвистического метода (с. 123-124).

В третьей главе представлены основные принципы и понятия дискурсивного лингвистического синтеза А. В. Вдовиченко. Если в структурно-грамматической парадигме слово отделяется от человека, гипостазируется и становится самостоятельным «предметом», то в дискурсивной – слово неотделимо от говорящего/пишущего и не имеет значения вне его коммуникативной деятельности: «Вербальные элементы не обладают тождеством вне мыслимой ситуации коммуникативного действия, не могут иметь собственных значений и смыслов вне говорящего, который является единственным обладателем мысли и единственным источником смыслообразования... Единицы безличного “языка”, нетождественные и бессмысленные вне говорящего (то есть традиционный материал античной и соссюрианской лингвистики), дают недостаточно твердую почву для адекватного моделирования реального процесса устной или письменной вербальной коммуникации» (с. 16-17). Сущностными свойствами антропоцентричного по своей природе лингвистического материала А. В. Вдовиченко называет когнитивность, ситуативность, актуальность и коммуникативность (с. 24, 133, 254), каждое из этих свойств принципиально игнорируется в языковой модели вербального процесса.

В качестве подлинной лингвистической единицы автор указывает коммуникативную ситуацию (и дектическую синтагму как ее отдельный момент): «Дектическая синтагма, то есть осознанная ситуация использования данного вербального элемента, интегрирует значение вербального элемента на любом уровне анализа. До помещения в конкретную дектическую синтагму лингвистические феномены, в том числе слова, не обладают источником воспринимаемого значения» (с. 147). Заметим, что здесь остается не до конца ясным, входит ли вербальный элемент в коммуникативную ситуацию (дектическую синтагму, дискурс, речевой акт) как необходимый элемент наряду с когнитивным элементом, или такая «лингвистическая единица» исчерпывается только когнитивной составляющей? В последнем случае проблематичен ее собственно лингвистический статус. Если же верно, что «коммуниканты “говорят” не словами, а дектическими синтагмами» (с. 148), то она включает в себя когнитивный и вербальный элементы в их единстве.

Автор монографии справедливо подчеркивает некогнитивную природу автономного вербального элемента и невербальную природу когнитивной сферы: «Мысль нетождественна какой бы то ни было вербальной форме и связана с ней косвенно» (с. 138). При этом для объяснения их различия естественный вербальный факт определяется автором как «действие», а мысль – как «недействие» (с. 138). Однако мысль является ничем иным, как именно действием умной природы человека, равно как и звукобуквенный вербальный элемент – действием, но телесной природы. Иными словами, разница когнитивного и вербального элементов объясняется антропологически – нетождественностью по естеству ума и тела человека. Сама же мысль просто может быть не высказана и тогда остаться мыслью, а может быть высказана (с. 138-139) – и стать тогда когнитивным элементом коммуникативного действия.

В развиваемой автором версии понимания дискурса представляется важным объяснение «косвенной» связи вербального и когнитивного элементов, входящих в его состав. Согласно А. В. Вдовиченко, вербальный элемент выступает предикатом мыслимой коммуникативной ситуации, или коммуникативного

действия: «...текст в каждом из своих моментов содержится в изменяющейся ситуации коммуникации как в своем “субъекте” и обусловлен ею; соответственно текст (в каждом из своих моментов) есть функция мыслимой коммуникативной ситуации» (с. 146). Это означает, что вербальный элемент «соответствует» элементу когнитивному, «представляет его», способен его «отражать», то есть выступать его образом, а потому и обладает истолковательной силой по отношению к нему: «Любой вербальный текст, созданный в естественных условиях, отражает последовательность коммуникативных действий говорящего/пишущего, которые представлены вербальными элементами (составляющими “предложения”). Каждое вербальное предложение (как “представитель” отдельного коммуникативного действия) является предикатом соответствующей коммуникативной ситуации» (с. 148). «Способность говорить на “языке”, или “знание языка”, усваивается говорящим (ребенком в случае овладения родным “языком”) как умение произносить определенные вербальные клише в соответствующих моментах коммуникативных действий» (с. 150). Согласно данной логике «предикации», или соответствия «по образу», вербальный элемент «интегрируется», «помещается» (с. 147), «приспосабливается» (с. 165) к мыслимым ситуациям, «соответствует» (с. 173), «принят и подходит» для них (с. 143), «организуется и становится воспринимаемым, смыслообразующим» (с. 148), «получает возможность быть смыслообразующим» (с. 151) только в составе коммуникативного действия. Остается лишь посотовать, что данная логика «предикации», или соответствия «по образу» когнитивного и вербального элементов, не всегда последовательно выдерживается в исследовании. Так, по отношению к вербальному элементу рассуждения автора иногда сбиваются на ту же инструментальную метафору, о неадекватности которой свидетельствует он сам (с. 121-123): «Интеллектуальный (когнитивный) процесс, последовательно избавленный от предметного “слова” (последнее в актуальной речи есть инструмент действия в коммуникативном пространстве, некое внешнее “используемое” средство, сущностно не связанное с “использующим” его мыслящим субъектом)...» (с. 140). Представляется, что и в указанной выше неясности, включен ли вербальный элемент в качестве необходимого в коммуникативную ситуацию (деклическую синтагму, дискурс), также следует винить именно эту непоследовательность в понимании «предикации».

О том, что в этом пункте теория еще не оформилась окончательно, свидетельствует также разнообразие используемой автором терминологии. Так, *вербальный элемент* коммуникативной ситуации называется «вербальной моделью» (с. 121), «коммуникативной моделью» (с. 14), «языковой моделью» (с. 108, 142-143); «вербальным клише» (с. 14, 19, 65, 94) и «языковым клише» (с. 142-143, 148); «вербальным материалом» (с. 148); «вербальным действием» (с. 127, 148); «вербальным фактом» (с. 15, 22, 122); «феноменом вербальной коммуникации» (с. 16); «вербальным процессом» (с. 138) и «речевым процессом» (с. 134, 134); «коммуникативной реальностью» (с. 86, 88, 92, 122); «естественной коммуникацией» (с. 118); «естественным коммуникативным процессом» (с. 16) и «вербальным коммуникативным процессом» (с. 82, 145); «естественным лингвистическим материалом» (с. 22, 124) и «естественным вербальным материалом» (с. 42); «фактом естественного языка» (с. 21) и «фактом естественной коммуникации»

(с. 84, 92); «словом» (с. 131, 140, 148); «предметным элементом “языка”» (с. 121, 148). Само центральное понятие *коммуникативная ситуация* заменяется эквивалентными ему: «дектической ситуацией» (с. 151), «коммуникативной синтагмой» (с. 151, 214), «коммуникативным действием» (с. 124, 131, 148), «коммуникативным актом» (с. 144, 235), «речевым актом» (с. 141, 145, 164). Такое разнообразие терминологии является следствием продолжающегося теоретического поиска и дальнейшей разработки эффективной схемы естественного вербального процесса. Об эволюции воззрений свидетельствует также появившийся в данной монографии и отсутствовавший в докторской диссертации термин «телесный» как синоним понятия «предметный» (с. 16, 18, 110, 131, 253). При этом осуществляемый А. В. Вдовиченко выход в область антропологии свидетельствует об общем философском (и даже иногда богословском) векторе исследования.

Оставляя за рамками рецензии большую часть важных и глубоких наблюдений, обратимся к представленному в четвертой главе применению дискурсивной модели к библейскому языковому материалу. В качестве главного фактора интерпретации лингвистического статуса Септуагинты и Нового Завета автор указывает на грекоязычную иудейскую диаспору, составлявшую аутентичную среду возникновения и функционирования этих текстов (с. 167). Именно диаспора «сформировала внутреннее, не зависимое от языческого социума понятие об уместности/неуместности вербальных моделей (клише) в соответствующих коммуникативных действиях, представленных устно или письменно» (с. 180). Назначение перевода LXX, осуществленного пословно с древнееврейской Библии, усматривалось прежде всего в «прояснении элементов древнееврейского текста в ходе субботних чтений Закона и индивидуального изучения посредством коммуникативных моделей, более понятных диаспоральной аудитории» (с. 226). Поэтому вполне закономерно, что «этот “язык” усваивает в определенных чертах организацию древнееврейского текста и, таким образом, санкционирует своим авторитетом особую типологию вербальных клише. Она закреплена в постоянно читаемом и слушаемом корпусе священных текстов, в иудейской литургической практике, замкнутой и отстраненной от стихии греческой словесности, и данная ситуация не требует строгих параллелей и пересечений с “языком” греческой литературной традиции» (с. 258). В силу предполагаемой точности и адекватности перевода грекоязычная Септуагинта функционировала в иудейской диаспоре как священный текст: «Правильность перевода и его божественный статус воспринимались как свойства текста по умолчанию. Во всех случаях цитирования (в том числе у раннехристианских авторов, например, в посланиях корпуса НЗ, в послании Варнавы, в послании к коринфянам Климента Римского и др.) греческий текст воспринимается как “Писание”, без каких-либо уступок и специальных ссылок на статус переводного текста» (с. 227). Очевидно, что дискурсивная парадигма, вследствие внимания к когнитивному пространству авторов/переводчиков, позволяет обнаружить новые аспекты феномена богодухновенности Писания, ввести это понятие в лингвистическое (лингво-когнитивное) поле.

Независимо от обыденной коммуникативной практики грекоговорящих иудеев, Септуагинта становится образцом пророческого текста – и, прежде всего, текстов Нового Завета: «...текст LXX (искусственный с точки зрения греческих критериев текстуальности) сформировал в иудейской среде особый строй коммуникации,

предоставив модели для письменного нарратива и дискурсива профетического содержания» (с. 236). Помимо единой базы языковых клише, содержащихся в Септуагинте, условием создания профетических текстов Нового Завета стало «внетерриториальное (и, по-видимому, внесоциальное), а также религиозное и в целом идеологическое единство участников коммуникативной практики» – членов иудейских грекоговорящих общин (с. 212). В свою очередь, от профетической традиции автор монографии отделяет «собственно литературную иудейскую традицию» (в том числе написанные в «не-септуагинтальных» формах апологетические, философско-богословские, исторические сочинения грекоговорящих иудеев), развитием и продолжением которой становится византийское христианское богословие (с. 191-193).

Полученные выводы позволяют А. В. Вдовиченко резонно усомниться в необходимости посредствующих арамейских или древнееврейских оригиналов для греческих текстов Нового Завета, поскольку их авторы сами были субъектами грекоязычной иудейской традиции и могли опираться на принятую в ней типологию вербальных клише (с. 259). Данную мысль исследователь иллюстрирует блестящей параллелью с творчеством современных русскоязычных авторов, пишущих на церковнославянском языке: «Интересно заметить и то, что в церковнославянских текстах, созданных современным русскоязычным автором, кропотливый исследователь при желании может обнаружить значительное число греческих и арамейских интерференций (как в сфере синтаксиса, так и в сфере лексики), то есть мнимых следов “билингвального опыта” автора. Однако столь же очевидно и то, что для порождения таких “грецизмов” и “арамеизмов”, то есть “ошибок” в каком-то славянском “языке”, автору вовсе не потребовалось знание греческого и арамейского языков. Чтобы оснастить свой текст “грецизмами” и “арамеизмами”, современному автору было достаточно использовать хорошо известные ему вербальные клише из славянского (или церковнославянского) Писания» (с. 250). Подобно ему, древний создатель новозаветного текста использовал хорошо известные ему септуагинтальные клише, которые вследствие пословности Септуагинты уже содержали в себе «гебраизмы» и «арамеизмы». Однако семитизмы не могли восприниматься диаспоральными иудеями как «ошибки»; наоборот, они мыслились как нормализованный традиционный атрибут профетического текста (как «семитизмы» и «грецизмы» в церковнославянском Писании).

Представляется, что главное достоинство рецензируемой монографии состоит в том, что А. В. Вдовиченко фокусирует свое и читательское внимание на подлинном источнике смыслообразования любого коммуникативного действия – на авторе. Объяснение коммуникативной деятельности субъекта мыслится приоритетным по отношению к любым вторичным способам ее концептуализации, в том числе, к грамматике, языку, выделению единиц вербального процесса, и пр. Интерпретация последовательности коммуникативных действий (то есть конкретных текстов), в конечном счете, возводится к «не-предметным» личным когнитивным процессам. В интересах библейских авторов и восстановления подлинного статуса их текстов лингвистический инструментарий оправданно переосмысливается и корректируется. Представляется, что и лингвистические, и библеистические результаты исследования А. В. Вдовиченко окажутся плодотворны для дальнейшего развития этих областей знания.